

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА ВОСТОКА

ОМАР ХАЙЯМ

РУБАИ

Издательство ЦК КП Узбекистана
Т а ш к е н т — 1978

Составитель

лауреат Международной премии Фирдоуси
Шанслам Шамухамедов

Редактор

Борис Пармузин

Редколлегия: Д. Джаббаров, Б. Пармузин, Х. С. Сулейманов, И. Ш. Шагулямов, Ш. М. Шамухамедов.

В этой книге впервые сделана попытка собрать лучшие переводы на русский язык четверостиший всемирно известного персидско-таджикского поэта и ученого Омара Хайяма (1040—1123 гг.).

1

Вот снова день исчез, как ветра легкий стон,
Из нашей жизни, друг, навеки выпал он.
Но я, покуда жив, тревожиться не стану
О дне, что отошел, и дне, что не рожден.

2

Откуда мы пришли? Куда свой путь вершим?
В чем нашей жизни смысл? Он нам непостижим.
Как много чистых душ под колесом лазурным
Сгорает в пепел, в прах, а где, скажите, дым?

3

Лепящий черепа таинственный гончар
Особый проявил к сему искусству дар:
На скатерть бытия он опрокинул чашу
И в ней пылающий зажег страстей пожар.

4

Будь все добро мое кирпич один, в кружало
Его бы я отнес в обмен на полбокала.
Как завтра проживу? Продам чалму и плащ,
Ведь не святая же Мария их соткала.

5

Гора, вина хлебнув, и то пошла бы в пляс.
Глупец, кто для вина лишь клевету припас.
Ты говоришь, что мы должны вина чураться?
Вздор! Это дивный дух, что оживляет нас.

6

Как надоели мне несносные ханжи!
Вина подай, саки, и, кстати, заложу
Тюрбан мой в кабаке и мой моленный коврик;
Не только на словах я враг всей этой лжи.

7

Благоговейно чтят везде стихи корана,
Но как читают их? Не часто и не рьяно.
Тебя ж, сверкающий вдоль края кубка стих,
Читают вечером, и днем, и утром рано.

8

Дивлюсь тебе, гончар, что ты имеешь дух
Мять глину, бить, давать ей сотни оплеух,
Ведь этот влажный прах трепещущей был плотью,
Покуда жизненный огонь в нем не потух.

9

Знай, в каждом атоме тут, на земле, таится
Дышавший некогда кумир прекраснолицый.
Снимай же бережно пылинку с милых кос:
Прелестных локонов была она частицей.

10

Увы, не много дней нам здесь побыть дано,
Прожить их без любви и без вина — грешно.
Не стоит размышлять, мир этот стар иль молод:
Коль суждено уйти — не все ли нам равно?

11

О, если б, захватив с собой стихов диван
Да в кувшине вина и сунув хлеб в карман,
Мне провести с тобой денек среди развалин, —
Мне позавидовать бы мог любой султан.

12

Будь глух к ученому о боге суесловью,
Целуй кумир, к его прильнувши изголовью.
Покуда кровь твою не пролил злобный рок,
Свой кубок наполняй бесценных гроздий кровью.

13

Кумир мой, вылепил тебя таким гончар,
Что пред тобой луна своих стыдится чар.
Другие к празднику себя пусть украшают,
Ты — праздник украшать собой имеешь дар.

14

Кумир мой — горшая из горьких неудач!
Сам ввергнут, но не мной, в любовный жар и плач.
Увы, надеяться могу ль на исцеленье,
Раз тяжко занемог единственный мой врач?

15

Ты сердце бедное мое, господь, помилуй,
И грудь, которую томит огонь постылый,
И ноги, что всегда несут меня в кабак,
И руку, что сжимать так любит кубок милый.

16

Растить в душе побег унынья — преступленье.
 Пока не прочтена вся книга наслажденья,
 Лови же радости и жадно пей вино:
 Жизнь коротка, увы! Летят ее мгновенья.

17

Скорей вина сюда! Теперь не время сну,
 Я славить розами ланит хочу весну.
 Но прежде Разуму, докучливому старцу,
 Чтоб усыпить его, в лицо вином плесну.

18

День завтрашний — увы! — сокрыт от наших глаз:
 Спешн использовать летящий в бездну час.
 Пей, луноликая! Как часто будет месяц
 Всходить на небосвод, уже не видя нас.

19

Лик розы освежен дыханием весны,
 Глаза возлюбленной красой лугов полны,
 Сегодня чудный день! Возьми бокал, а думы
 О зимней стуже брось: они всегда грустны.

20

Друзья, бокал — рудник текучего рубина,
А хмель — духовная бокала сердцевина.
Вино, что в хрустале горит, — покровом слез
Едва прикрытая кровавая пучина.

21

Спросил у чаши я, прильнув устами к ней:
«Куда ведет меня череда ночей и дней?»
Не отрывая уст, ответила мне чаша:
«Ах, больше в этот мир ты не вернешься. Пей!»

22

Бокала полного веселый вид мне люб,
Звук арф, что жалобно при том звенит, мне люб,
Ханжа, которому чужда отрада хмеля, —
Когда он за сто верст, горами скрыт, — мне люб.

23

Разумно ль смерти мне страшиться? Только раз
Я ей взгляну в лицо, когда придет мой час.
И стоит ли жалеть, что я — кровавой слизи,
Костей и жил мешок — исчезну вдруг из глаз?

24

Призыв из кабака поднял меня от сна:
«Сюда, беспутные поклонники вина!
Пурпурной влагою скорей наполним чаши,
Покуда мера дней, как чаша, не полна».

25

Ах, сколько, сколько раз, вставая ото сна,
Я обещал, что впредь не буду пить вина,
Но нынче, господи, я не даю зарока:
Могу ли я не пить, когда пришла весна?

26

Смотри: беременна душою плоть бокала,
Как если б лилия чревата розой стала.
Нет, это пригоршня текучего огня
В утробе ясного, как горный ключ, кристалла.

27

Влюбленный на ногах пусть держится едва,
Пусть у него гудит от хмеля голова.
Лишь трезвый человек заботами снедаем,
А пьяному ведь все на свете трын-трава.

Мне часто говорят: «Поменьше пей вина!
 В том, что ты пьянствуешь, скажи нам, чья вина?»
 Лицо возлюбленной моей повинно в этом:
 Я не могу не пить, когда со мной она.

В бокалы влей вина и песню затяни нам,
 Свой голос примешав к стенаньям соловьиным!
 Без песни пить нельзя, — ведь иначе вино
 Нам разливалось бы без бульканья кувшином.

Запрет вина — закон, считающийся с тем,
 Кем пьется, и когда, и много ли, и с кем.
 Когда соблюдены все эти оговорки,
 Пить — признак мудрости, а не порок совсем.

Как долго пленными нам быть в тюрьме мирской?
 Кто сотню лет иль день велит нам жить с тоской?
 Так лей вино в бокал, покуда сам не стал ты
 Посудой глиняной в гончарной мастерской.

32

Налей, хоть у тебя уже усталый вид,
Еще вина: оно нам жизнь животворит,
О мальчик, поспеши! Наш мир подобен сказке,
И жизнь твоя, увы, без усталости бежит.

33

Пей, ибо скоро в прах ты будешь обращен.
Без друга, без жены твой долгий будет сон.
Два слова на ухо сейчас тебе шепну я:
«Когда тюльпан увял, расцвести не может он».

34

Все те, что некогда, шумя, сюда пришли
И обезумели от радостей земли, —
Пригубили вина, потом умолкли сразу
И в лоно вечного забвения легли.

35

Я к гончару зашел: он за комком комок
Клад глину влажную на круглый свой станок:
Лепил он горлышки и ручки для сосудов
Из царских черепов и из пастушьих ног.

40

От стрел, что мечет смерть, нам не найти щита:
И с нищим, и с царем она равно крута.
Чтоб с наслажденьем жить, живи для наслажденья,
Все прочее — поверь! — одна лишь суета.

41

Где высился чертог в далекие года
И проводила дни султанов череда,
Там ныне горлица сидит среди развалин
И плачет жалобно: «Куда, куда, куда?»

42

Я утро каждое спешу скорей в кабак
В сопровождении товарищей-гуляк.
Коль хочешь, господи, сдружить меня с молитвой,
Мне веру подари, святой податель благ!

43

Моей руке держать кувшин вина — отрада;
Священных свитков ей касаться и не надо:
Я от вина промок; не мне, ханжа сухой,
Не мне, а вот тебе опасно пламя ада.

44

Нас, пьяниц, не кори! Когда б господь хотел,
 Он ниспослал бы нам раскаянье в удел.
 Не хвастай, что не пьешь — немало за тобою,
 Приятель, знаю я гораздо худших дел.

45

Блуднице шейх сказал: «Ты, что ни день, пьяна,
 И что ни час, то в сеть другим завлечена!»
 Ему на то: «Ты прав, но ты-то сам таков ли,
 Каким всем кажешься?» — ответила она.

46

За то, что вечно пьем и в опьяненье пляшем,
 За то, что почести оказываем чашам,
 Нас не кори, ханжа! Мы влюблены в вино,
 И милые уста всегда к услугам нашим.

47

Над краем чаши мы намазы совершаем,
 Вино пурпуровым свой дух мы возвышаем;
 Часы, что бестолку в мечетях провели,
 Отныне в кабаке навестывать решаем.

48

Ужели бы гончар им сделанный сосуд
Мог в раздражении разбить, презрев свой труд?
А сколько стройных ног, голов и рук прекрасных,
Любовно сделанных, в сердцах разбито тут!

49

Небесный свод жесток и скуп на благодать,
Так пей же и на трон веселия воссядь.
Пред господом равны и грех и послушанье,
Бери ж от жизни все, что только можешь взять.

50

День каждый усладдай вином,— нет, каждый час:
Ведь может лишь оно мудрее сделать нас,
Когда бы некогда Ивлис вина напился,
Перед Адамом он склонился б двести раз.

51

Мудрец приснился мне. «Веселья цвет пригожий
Во сне не расцветет, — мне молвил он, — так что же
Ты предаешься сну? Пей лучше гроздий сок.
Успеешь выспаться, в сырой могиле лежа».

52

Жестокий этот мир нас подвергает смене
Безвыходных скорбей, безжалостных мучений.
Блажен, кто побыл в нем недолго и ушел,
А кто не приходил совсем — еще блаженней.

53

От страха смерти я, — поверьте мне, — далек:
Страшнее жизни что мне приготовил рок?
Я душу получил на подержанье только
И возвращу ее, когда наступит срок.

54

С тех пор, как на небе Венера и Луна,
Кто видел что-нибудь прекраснее вина?
Дивлюсь, что продают его виноторговцы:
Где вещь, что ценностью была б ему равна?

55

Твои дары, о жизнь — унынье и туга;
Хмельная чаша лишь одна нам дорога.
Вино ведь — мира кровь, а мир — наш кровопийца,
Так как же нам не пить кровь кровного врага?

56

Поток вина— родник душевного покоя,
 Врачует сердце он усталое, больное.
 Потоп отчаянья тебе грозит? Ищи
 Спасение в вине: ты с ним в ковчеге Ноя.

57

Венец с главы царя, корону богдыханов
 И самый дорогой из пресвятых тюрбанов
 За песнь отдал бы я, на кубок же вина
 Я б четки променял, сню орду обманов.

58

Не зарекайся пить бесценных гроздий сок,
 К себе раскаянье тыпустишь на порог.
 Рыдают соловьи, и расцветают розы...
 Ужели в час такой уместен твой зарок?

59

Друг, в нищете своей отдай себе отчет!
 Ты в мир ни с чем пришел, могила все возьмет.
 «Не пью я, ибо смерть близка», — мне говоришь ты;
 Но пей ты иль не пей, она в свой час придет.

60

Тревога вечная мне не дает вздохнуть,
От стонов горестных моя устала грудь.
Зачем пришел я в мир, раз — без меня ль,
со мной ли
Все так же он вершит свой непонятный путь?

61

Водой небытия зародыш мой впоен,
Огнем страдания мой мрачный дух зажжен;
Как ветер, я несусь из края в край вселенной
И горсточкой земли окончу жизни сон.

62

Несовместимых мы всегда полны желаний:
В одной руке бокал, другая — на коране.
И так вот мы живем под сводом голубым,
Полубезбожники и полумусульмане.

63

Из всех, которые ушли в тот дальний путь,
Назад вернулся ли хотя бы кто-нибудь?
Не оставляй добра на перекрестке этом:
К нему возврата нет, — об этом не забудь.

64

Нам с гуриями рай сулят на свете том
И чаши, полные пурпуровым вином.
Красавиц и вина бежать на свете этом
Разумно ль, если к ним мы все равно придем?

65

От вешнего дождя не стало холодней;
Умыло облако цветы, и соловей
На тайном языке взывает к бледной розе:
«Красавица, вина пурпурного испей!»

66

Вы говорите мне: «За гробом ты найдешь
Вино и сладкий мед. Кавсер и гурий». Что ж,
Тем лучше. Но сейчас мне кубок поднесите:
Дороже тысячи в кредит налчный грош.

67

В тот час, как свой наряд фиалка расцветит
И ветер утренний в весенний сад влетит,
Блажен, кто сядет пить вдвоем с сереброгрудой
И разобьет потом бокал о камень плит.

Я пьяным встретил раз пред дверью кабака
 С моельным ковриком и кубком старика;
 Мой изумленный взор заметив, он воскликнул:
 «Смерть ждет нас впереди, давай же пить пока!»

Сей жизни караван не мешкает в пути:
 Повеселившись чуть, мы прочь должны уйти.
 О том, что завтра ждет товарищей, не думай,
 Неси вина сюда, — уж рассвело почти.

Пред взором милых глаз, огнем вина объятый,
 Под плеск ладоней в пляс лети стопой крылатой!
 В десятом кубке прок, ей-ей же, не велик:
 Чтоб жажду утолить, готовь шестидесятый.

Увы, от мудрости нет в нашей жизни прока,
 И только круглые глупцы любимцы рока.
 Чтоб ласковей ко мне был рок, подай сюда
 Кувшин мутящего наш ум хмельного сока.

Один Телец висит высоко в небесах,
 Другой своим хребтом поддерживает прах.
 А меж обоими тельцами, — поглядите, —
 Какое множество ослов пасет Аллах!

Общаясь с дураком, не оберешься срама.
 Поэтому совет ты выслушай Хайяма:
 Яд, мудрецом тебе предложенный, прими,
 Из рук же дурана не принимай бальзама.

Чтоб угодить судьбе, глушить полезно ропот.
 Чтоб людям угодить, полезен лживый шепот.
 Пытался часто я лукавить и хитрить,
 Но всякий раз судьба мой посрамляла опыт.

О чадо четырех стихий, внемли ты вести
 Из мира тайного, не знающего лести!
 Ты зверь и человек, злой дух и ангел ты;
 Все, чем ты кажешься, в тебе тантся вместе.

Прославься в городе — возбудишь озлобленье,
 А домоседом стань — возбудишь подозренье,
 Не лучше ли тебе, хотя б ты Хызром был,
 Ни с кем не знаться, жить всегда в уединеньи?

В молитве и посте я, мнилось мне, нашел
 Путь к избавлению от всех грехов и зол;
 Но как-то невзначай забыл про омовенье,
 Глоток вина хлебнул, — и прахом пост пошел.

Молитвы побоку! Избрав благую часть,
 В беспутство прежнее решил я снова впасть
 И, шею вытянув, как горлышко сосуда,
 К сосудам кабака присасываюсь власть.

Мы пьем не потому, что тянемся к веселью,
 И не разнузданность себе мы ставим целью.
 Мы от самих себя хотим на миг уйти
 И только потому к хмельному склонны зелью.

80

Ко мне ворвался ты, как ураган, господь,
 И опрокинул мне с вином стакан, господы!
 Я пьянству предаюсь, а ты творишь бесчинства?
 Гром разрази меня, коль ты не пьян, господы!

81

Скорее пробудись от сна, о мой саки!
 Налей пурпурного вина, о мой саки!
 Пока нам черепа не превратили в чаши,
 Пусть будет пара чаш полна, о мой саки!

82

Огню, сокрытому в скале, подобен будь,
 А волны смерти все ж к тебе разыщут путь.
 Не прах ли этот мир? О, затяни мне песню!
 Не дым ли эта жизнь? Вина мне дай хлебнуть!

83

Усами я мету кабацкий пол давно,
 Душа моя глуха к добру и злу равно.
 Обрушься мир,— во сне хмельном пробормочу
 «Скатилось, кажется, ячменное зерно».

Сей мир, в котором ты живешь, — мираж, не боле:
 Так стоит ли роптать и жаждать лучшей доли?
 С мученьем примиришь и с роком не воюй:
 Начертанное им стереть мы в силах, что ли?

Ты все пытаешься проникнуть в тайны света,
 В загадку бытия... К чему, мой друг, все это?
 Ночей и дней часы беспечно проводи,
 Ведь все устроено без твоего совета.

Пред пьяным соловьем, влетевшим в сад, сверкал
 Среди роз смеющихся смеющийся бокал,
 И, подлетев ко мне, певец любви на тайном
 Наречии: «Лови мгновение!» — сказал.

Мне чаша чистого вина всегда желанна,
 И стоны нежных флейт я б слушал неустанно,
 Когда гончар мой прах преобразит в кувшин,
 Пускай наполненным он будет постоянно.

Увы, нас вычеркнет из книги жизни рок,
 И смертный час от нас, быть может, недалек.
 Не медли же, саки, неси скорее влагу,
 Чтоб ею оросить наш прах ты завтра мог.

Доколе будешь нас корить, ханжа ты скверный,
 За то, что к кабаку горим любовью верной?
 Нас радуют вино и милая, а ты
 Опутан четками и ложью лицемерной.

Поменьше размышляй о зле судьбины нашей,
 С утра до вечера не расставайся с чашей,
 К запретной дочери лозы присядь, — она
 Своей дозволенной родительницы краше.

Охотно платим мы за всякое вино,
 А мир? Цена ему — ячменное зерно.
 «Окончив жизнь, куда уйдем?» Вина налей мне
 И можешь уходить, — куда, мне все равно.

92

С друзьями радуйся, пока ты юн, весне:
В кувшине ничего не оставляй на дне!
Ведь был же этот мир водой когда-то залит,
Так почему бы нам не утонуть в вине?

93

Отречься от вина? Да это все равно,
Что жизнь свою отдать! Чем возместить вино?
Могу ль я сделаться приверженцем ислама,
Когда им высшее из благ запрещено?

94

На мир — пристанище немногих наших дней —
Я долго устремлял пылкий взор очей.
И что ж? Твое лицо светлей, чем светлый месяц;
Чем стройный кипарис, твой чудный стан прямей.

95

Чье сердце не горит любовью страстной к милой, —
Без утешения влачит свой век унылый.
Дни, проведенные без радостей любви,
Считаю тяготой ненужной и постылой.

Скажи, за что меня преследуешь, о небо?
 Будь камни у тебя, ты все их слало мне бы.
 Чтоб водѹ получить, я должен спину гнуть,
 Бродяжить должен я из-за краюхи хлеба.

Богатством, — слова нет, — не заменить ума,
 Но немущему и рай земной — тюрьма.
 Фиалка нищая склоняет лик, а роза
 Смеется: золотом полна ее сума.

Тому, на чьем столе надтреснутый кувшин
 Со свежеею водой и только хлеб один,
 Увы, приходится пред тем, кто ниже, гнуться
 Иль называть того, кто равен, «господин».

О, если б каждый день иметь краюху хлеба,
 Над головою кров и скромный угол, где бы
 Ничьим владыкою, ничьим рабом не быть!
 Тогда благословить за счастье можно б небо.

100

На чьем столе вино, и сладости, и плов?
Сырого неуча. Да, рок — увы — таков!
Турецкие глаза — красивейшие в мире —
Находим у кого? Обычно у рабов.

101

Я знаю этот вид напыщенных ослов:
Пусты, как барабан, а сколько громких слов!
Они — рабы имен. Составь себе лишь имя,
И ползать пред тобой любой из них готов.

102

О небо, я твоим вращеньем утомлен,
К тебе без отклика возносится мой стон.
Невежд и дурпей лишь ты милуешь,—так знай же
Не так уже я мудр, не так уж просвещен.

103

Напрасно ты винишь в непостоянстве рок;
Что не в накладе ты, тебе и невдомек.
Когда б он в милостях своих был постоянен,
Ты б очереди ждать своей до смерти мог.

104

Чтоб мудро жизнь прожить, знать надобно немало,
 Два важных правила запомни для начала:
 Ты лучше голодай, чем что попало есть,
 И лучше будь один, чем вместе с кем попало.

105

Чтоб счастье испытать, вина себе налей,
 День нынешний презри, о прошлых не жалеи,
 И цепи разума хотя б на миг единый,
 Тюремщик временный, сними с души своей.

106

Мне свят веселый смех иль пьяная истома,
 Другая вера мне иль ересь незнакома.
 Я спрашивал судьбу: «Кого же любишь ты?»
 Она в ответ: «Сердца, где радость вечна дома»

107

Пусть не томят тебя пути судьбы проклятой,
 Пусть не волнуют грудь победы и утраты.
 Когда покинешь мир — ведь будет все равно,
 Что делал, говорил, чем запятнал себя ты.

108

День завтрашний от нас густою мглой закрыт,
 Одна лишь мысль о нем пугает и томит.
 Летучий этот миг не упусти! Кто знает,
 Не слезы ли тебе грядущее сулит?

109

Что б ты ни делал, рок с кинжалом острым —
 рядом,
 Коварен и жесток он к человечьим чадам.
 Хотя б тебе в уста им вложен пряник был,—
 Смотри, не ешь его,— он, верно, смешан с ядом.

110

О, как безжалостен круговорот времен!
 Им ни один из всех узлов не разрешен:
 Но, в сердце чьем-нибудь едва заметив рану,
 Уж рану новую ему готовит он.

111

Под этим небом жизнь — терзаний череда,
 А сжалится ль оно над нами? Никогда.
 О перожденные! Когда б о наших муках
 Вам довелось узнать, не шли бы вы сюда.

112

Мужи, чьей мудростью был этот мир пленен,
 В которых светочей познания видел он,
 Дороги не нашли из этой ночи темной,
 Посуесловили и погрузились в сон.

113

Мне так небесный свод сказал: «О человек,
 Я осужден судьбой на этот страшный бег.
 Когда б я властен был над собственным
 вращеньем,
 Его бы я давно остановил навек».

114

Мы чистыми пришли, — с клеймом на лбах
 уходим,
 Мы с миром на душе пришли — в слезах уходим.
 Омытую водой очей и кровью жизнь
 Пускаем на ветер и снова в прах уходим.

115

Когда б в желаниях я быть свободным мог
 И власть бы надо мной утратил злобный рок,
 Я был бы рад на свет не появляться вовсе,
 Чтоб не было нужды уйти чрез краткий срок.

116

Однажды встретился пред старым пепелищем
 Я с мужем, жившим там отшельником и нищим;
 Чуждался веры он, законов, божества:
 Отважнее его мы мужа не отыщем.

117

Будь милосердна, жизнь, мой виночерпий злой!
 Мне лжи, бездушия и подлости отстой
 Довольно подливать! Поистине, из кубка
 Готов я выплеснуть напиток горький твой.

118

О сердце, твой удел, — вовек не зная сна,
 Из чаши скорби пить, испить ее до дна.
 Зачем, душа, в моем ты поселилась теле,
 Раз из него уйти ты все равно должна?

119

Кого из нас не ждет последний, Страшный суд,
 Где мудрый приговор над ним произнесут?
 Предстанем же в тот день, сверкая белизною:
 Ведь будет осужден весь темноликий люд.

120

Кто в тайны вечности проник? Не мы, друзья,
Осталась темной нам загадка бытия,
За пологом про «я» и «ты» порою шепчут,
Но полог упадет — и где мы, ты и я?

121

Никто не лицедрел ни рая, ни геенны;
Вернулся ль кто-нибудь оттуда в мир наш тленный?
Но эти призраки бесплотные — для нас
И страхов и надежд источник неизменный.

122

Для тех, кто искушен в коварстве нашей доли,
Все радости и все мученья не одно ли?
И зло и благо нам даны на краткий срок, —
Лечиться стоит ли от мимолетной боли?

123

Ты знаешь, почему в передрагсветный час
Петух свой скорбный клич бросает столько раз?
Он в зеркале зари увидеть понуждает,
Что ночь — еще одна — прошла тайком от нас.

124

Небесный круг, ты — наш извечный супостат!
Нас обездоливать, нас истязать ты рад.
Где б ни копнуть, земля, в твоих глубинах, —
всюду
Лежит захваченный у нас бесценный клад.

125

Ответственность за то, что краток жизни сон,
Что ты отрадою земною обделен,
На бирюзовый свод не возлагай угрюмо:
Поистине, тебя беспомощнее он.

126

Свод неба, — это горб людского бытия,
Джейхун — кровавых слез ничтожная струя,
Ад — искра из костра безвыходных страданий,
Рай — радость краткая, о человек, твоя!

127

Мне без вина прожить и день один — страданье.
Без хмеля я с трудом влачу существованье.
Но близок день, когда мне чашу подадут,
А я поднять ее не буду в состояньи.

Ты, книга юности, дочитана, увы!
 Часы веселня, навек умчались вы!
 О птица-молодость, ты быстро улетела,
 Ища свежей лугов и зеленой листвы.

Недолг розы век: чуть расцвела — увяла,
 Знакомство с ветерком едва свела — увяла.
 Недели не прошло, как родилась она,
 Темницу тесную разорвала — увяла.

Лишь на небе рассвет займется еле зримый,
 Тяни из чаши сок лозы неоценимой!
 Мы знаем: истина в устах людей горька, —
 Так, значит, истиной вино считать должны мы.

Прочь мысли все о том, что мало дал мне свет.
 И нужно ли бежать за наслажденьем вслед!
 Подай вина, саки! Скорей, ведь я не знаю,
 Успею ль, что вдохнул, я выдохнуть иль нет.

132

С тех пор, как отличать я руки стал от ног,
Ты руки мне связал, безмерно подлый рок,
Но взыщешь и за дни, когда мне не сверкали
Ни взор красавицы, ни пьяных гроздий сок.

133

Наполнил зернами бессмертный Ловчий сети,
И дичь попала в них, польстясь на зерна эти.
Он назвал эту дичь людьми и на нее
Взвалил вину за зло, что сам творит на свете.

134

Раз божьи и мои желанья несходны,
Никак не могут быть мои богоугодны.
Коль воля господа блага, то от грехов
Мне не спастись, увы, — усилия бесплодны.

135

Хоть мудрый шарнат и осудил вино,
Хоть терпкой горечью пропитано оно, —
Мне сладко с милой пить. Недаром говорится:
«Мы тянемся к тому, что нам запрещено».

136

Я дня не провожу без кубка иль стакана,
Но нынешнюю ночь святую Рамазана
Хочу — уста к устам и грудь прижав к груди —
Не выпускать из рук возлюбленного жбана.

137

Обета трезвости не даст, кому вино —
Из благ сладчайшее, кому вся жизнь оно.
Кто в Рамазана дал зарок не пить, — да будет,
Хоть не свершать намаз ему разрешено.

138

Владыкой рая ли я вылеплен иль ада,
Не знаю я, но знать мне это и не надо:
Мой ангел, и вино, и лютия здесь, со мной,
А для тебя они — загробная награда.

139

Налей вина, саки! Тоска стесняет грудь;
Не удержать нам жизнь, текучую, как ртуть.
Не медли! Краток сон дарованного счастья.
Не медли! Юности, увы, недолог путь.

140

Увы, глоток воды хлебнуть не можешь ты,
 Чтоб не прибавил рок и хмеля маеты;
 Не можешь посолить ломоть ржаного хлеба,
 Чтоб не задели ран соленые персты.

141

Сказала роза: «Ах, на розовый елей
 Краса моя идет, которой нет милей!» —
 «Кто улыбался миг, тот годы должен плакать», —
 На тайном языке ответил соловей.

142

На происки судьбы злокозненной не сетуй,
 Не утопай в тоске, водой очей согретой!
 И дни и ночи пей пурпурное вино,
 Пока не вышел ты из круга жизни этой.

143

Трава, которою — гляди! — окаймлена
 Рябь звонкого ручья, — душиста и нежна.
 Ее с презрением ты не топчи: быть может,
 Из праха ангельской красоты возшла она.

144

Фаянсовый кувшин, от хмеля как во сне,
 Недавно бросил я о камень; вдруг вполне
 Мне внятнм голосом он прошептал: «Подобен
 Тебе я был, а ты подобен будешь мне».

145

Вчера в гончарную зашел я в поздний час,
 И до меня горшков беседа донеслась.
 «Кто гончары, — вопрос один из них мне задал, —
 Кто покупателя, кто продавцы средь нас?»

146

Когда, как деревцо, меня из бытия
 С корнями вырвет рок и в прах рассыплюсь я,
 Кувшин для кабака пусть вылепят из праха, —
 Наполненный вином, я оживу, друзья.

147

Нам жизнь навязана; ее вдоворот
 Ошеломляет нас, но миг один — и вот
 Уже пора уйти, не зная цели жизни,
 Приход бессмысленный, бессмысленный уход!

148

То слышу я: «Не пей, сейчас у нас Шабан»,
 А то: «Реджеб идет, не напивайся пьян».
 Пусть так: то месяцы Аллаха и пророка;
 Что ж, изберу себе для пьянства Рамазан.

149

Когда ты для меня слепил из глины плоть,
 Ты знал, что мне страстей своих не побороть;
 Не ты ль тому виной, что жизнь моя греховна?
 Скажи, за что же мне гореть в аду, господь?

150

Ты к людям милосерд? Да нет же, непохоже!
 Изгнал ты грешника из рая отчего же?
 Заслуга велика ль послушного простить?
 Прости ослушника, о милосердный боже!

151

Когда-нибудь, огнем любовным обуян,
 В душистых локонах запутавшись и пьян,
 Паду к твоим ногам, из рук роняя чашу
 И с пьяной головы растрепанный тюрбан.

152

Шабан сменяется сегодня Рамазаном, —
 Расстаться надобно с приятелем-стаканом.
 Я пред разлукой так в последний раз напьюсь,
 Что буду месяц весь до разговенья пьяным.

153

Хоть я и пьяница, о муфтий городской,
 Степенен все же я в сравнении с тобой;
 Ты кровь людей сосешь, — я лоз. Кто кровожадней,
 Я или ты? Скажи, не покривив душой.

154

Пусть будет, пьяницы, кабак наполнен вами,
 Плащи ханжей святых пускай охватит пламя,
 Ключки почтенных ряс из шерсти голубой
 Пускай волочатся под пьяными ногами!

155

Что я дружу с вином, не отрицаю, нет,
 Но справедливо ли хулишь меня, сосед?
 О, если б все грехи рождали опьяненье!
 Тогда бы слышали мы только пьяный бред.

156

Прошу могилу мне с землей сровнять, да буду
Смиренья образцом всему честному люду;
Затем, смешив мой прах с пурпуровым вином,
Покрышку вылепить к кабацкому сосуду.

157

Дух рабства кроется в кумирне и в Каабе,
Трезвон колоколов — язык смиренья рабий,
И рабства черная печать равно лежит
На четках и кресте, на церкви и михрабе.

158

Бушуют в кельях, мечетях и церквях,
Надежда в рай войти и перед адом страх.
Лишь у того в душе, кто понял тайну мира,
Сок этих сорных трав весь высох и зачах.

159

Неправ, кто думает, что бог неумолим.
Нет, к нам он милосерд, хотя мы и грешим.
Ты в кабаке умри сегодня от горячки, —
Сей грех он через год простит костям твоим.

160

В глуби небес — бокал, невидимый для глаз;
 Он уготован там для каждого из нас.
 Поэтому, мой друг, к его краям устами
 Прильни безропотно, когда придет твой час.

161

Что плоть твоя, Хайям? Шатер, где на ночевку,
 Как странствующий шах, дух сделал остановку.
 Он завтра на заре свой путь возобновит,
 И смерти злой фарраш свернет шатра веревку.

162

Цветам и запахам владеть тобой доколе?
 Доколь добру и злу твой ум терзать до боли?
 Ты хоть Земземом будь, хоть юности ключом, —
 В прах должен ты уйти, покорен общей доле.

163

Не унывай, мой друг! До месяца благого
 Осталось мало дней, — нас оживит он снова,
 Кривится стан луны, бледнеет лик его, —
 Она от мук поста сойти на нет готова.

164

Чем омываться нам, как не вином, друзья?
 Мила нам лишь в кабаке ведущая стезя.
 Так будем пить! Ведь плащ порядочности нашей
 Изодран, заплатать его уже нельзя.

165

Хмельная чаша нам хотя запрещена,
 Не обходись и дня без песни и вина;
 На землю выливай из полной чаши каплю.
 А после этого всю осушай до дна.

166

Пусть пьяницей сльву, гулякой невозможным,
 Огнепоклонником, язычником безбожным, —
 Я, верен лишь себе, не придаю цены
 Всем этим прозвищам — пусть правильным,
 пусть ложным.

167

Коль ты мне друг, оставь словесную игру
 И мне вина налей; когда же я умру,
 Из праха моего слепив кирпич, снеси ты
 Его в кабаке и там заткни в стене дыру.

168

Когда последний вздох испустим мы с тобой,
По кирпичу на прах положат мой и твой.
А сколько кирпичей насушат надмогильных
Из праха нашего уж через год-другой!

169

Про вечность и про тлен оставим разговор,
В потоке мыслей я почувствовал затор.
Что может заменить вино в часы веселья?
Мгновенно перед ним стихает всякий спор.

170

Хочу упиться так, чтоб из моей могилы,
Когда в нее сойду, шел винный запах милый,
Чтоб вас он опьянял и замертво валил,
Мимондущие товарищи-кутилы!

171

Упиться торопись вином: за шестьдесят
Тебе удастся ли перевалить? Навряд.
Покуда череп твой в кувшин не превратили,
Ты с кувшином вина не расставайся, брат.

172

Сегодня пятница: поэтому смени
 На чашу кубок твой, а ежели все дни
 И так из чаши пьешь, удвой ее сегодня:
 Священный этот день особо помяни!

173

Полету ввысь, вино, ты учишь души наши,
 С тобой, как с родинкой, красавец Разум краше.
 Мы трезво провели весь долгий Рамазан, —
 Вот наконец Шавваль. Наполни, кравчий, чаши!

174

Шавваль пришел. Вино, глушителя забот,
 Пусть виночерпий нам по чашам разольет.
 Намордник строгого поста, узду намазов
 С ослиных этих морд благой Шавваль сорвет.

175

Когда бываю трезв, не мил мне белый свет.
 Когда бываю пьян, впадает разум в бред.
 Лишь состояние меж трезвостью и хмелем
 Ценю я, — вне его для нас блаженства нет.

176

У мира я в плену, — я это вижу ясно:
Своею тягощью природою всечасно.
Ни тот, ни этот мир постичь я не сумел, —
Пытливый разум свой я напрягал напрасно.

177

Скудеет в жилах кровь, скудеют наши силы;
Ах, мало ли сердце убил ты, рок постылый!
Кто в дальний путь ушел, тот навсегда исчез,
Нам некого спросить о крае за могилей.

178

Унылых осеней прошел над нами ряд,
И нашей жизни дни развеял листопад.
Пей! Ведь сказал мудрец, что лишь вина дурманом
Мы можем одолеть тоски душевной яд.

179

Саки, тоска моя кричит в припадке яром.
Чем излечить ее, как не хмельным угаром?
Седая борода мне не мешает пить:
Твое вино весну рождает в сердце старом.

180

Когда б я отравил весь мир своею скверной —
Надеюсь, ты б меня простил, о милосердный!
Но ты ведь обещал в нужде мне руку дать:
Не жди, чтоб сделалась нужда моя безмерной.

181

Когда от жизненных освобожусь я пут
И люди образ мой забвенью предадут,
О, если бы тогда — сказать ли вам? — для пьяниц
Из праха моего был вылеплен сосуд!

182

Когда б ты жизнь постиг, тогда б из темноты
И смерть открыла бы тебе свои черты.
Теперь ты сам в себе, а ничего не знаешь, —
Что ж будешь знать, когда себя покинешь ты?

183

Вплоть до Сатурна я обрыскал божий свет.
На все загадки в нем сумел найти ответ,
Сумел преодолеть все узы и преграды,
Лишь узел твой, о смерть, мной не распутан, нет!

184

Ученью не один мы посвятили год,
Потом других учить пришел и нам черед.
Какие ж выводы из этой всей науки?
Из праха мы пришли, нас ветер унесет.

185

Умом ощупал я все мирозданья звенья,
Постиг высокие людской души паренья,
И, несмотря на то, уверенно скажу:
Нет состояния блаженней опьяенья.

186

Джемшида чашу я искал, не зная сна,
Когда же мной земля была обойдена,
От мужа мудрого узнал я, что напрасно
Так далеко ходил, — в моей душе она.

187

Пришел он, моего жизнекрушенья час;
Из темных волн, увы, я ничего не спас!
Джемшида кубок я, но миг — и он разбился;
Я факел радости, но миг — и он погас.

188

Палаток мудрости нашивший без числа,
В горнило мук упав, сгорел Хайям дотла.
Пресеклась жизни нить, и пепел за бесценок
Надежда, старая торговка, продала.

189

Когда вы за столом, как тесная семья,
Опять усядетесь, — прошу вас, о друзья,
О друге вспомануть и опрокинуть чашу
На месте, где сидел средь вас, бывало, я.

190

Когда вселенную настигнет день конечный,
И рухнут небеса, и Путь померкнет Млечный,
Я, за полу схватив создателя, спрошу:
«За что же ты меня убил, владыка вечный?»

191

От веры к бунту — легкий миг один.
От правды к тайне — легкий миг один.
Испей полнее молодость и радость!
Дыханье жизни — легкий миг один.

192

Хотя стройнее тополя мой стан,
Хотя и щеки — огненный тюльпан,
Но для чего художник своенравный
Ввел тень мою в свой пестрый балаган?!

193

Подвижники изнемогли от дум.
А тайны те же душат мудрый ум.
Нам, неучам, — сок винограда свежий;
А им, великим, — высохший изюм.

194

«Вино пить — грех». Подумай, не спеши!
Сам против жизни явно не грехи.
В ад посылать из-за вина и женщин?
Тогда в раю, наверно, ни души.

195

Сегодня — оргия. С моей женой,
Бесплодной дочкой Мудрости пустой,
Я развожусь! Друзья, и я в восторге.
И я женюсь — на дочке лоз простой.

196

Где вы, друзья? Где вольный ваш припев?
Еще вчера, за столик наш присев,
Беспечные, вы бражничали с нами...
И прилегли, от жизни охмелев!

197

Сияли зори людям — и до нас!
Текли дугою звезды — и до нас!
В комочке праха сером, под ногою,
Ты раздавил сиявший юный глаз.

198

Ловушки, ямы на моем пути —
Их бог расставил и велел идти.
И все предвидел. И меня оставил.
И судит! Тот, кто не хотел спасти!

199

Наполнив жизнь соблазном ярких дней,
Наполнив душу пламенем страстей,
Бог отречения требует? Вот чаша,
Она полна. Нагни — и не пролей!

200

В полях межа. Ручей. Весна кругом.
И девушка идет ко мне с вином.
Прекрасен миг! А стань о вечном думать,
И кончено: поджал бы хвост щенком!

201

Вчера на кровлю шахского дворца
Сел ворон. Череп шаха-гордеца
Держал в когтях и спрашивал: «Где трубы?
Трубите шаху славу без конца!»

202

Жизнь отцветает, горестно легка,
Осыплется от первого толчка.
Пей! Хмурый плащ — луной разорван в небе.
Пей! После нас — луне снять века.

203

Где теперь эти люди мудрейшие нашей земли?
Тайной нити в основе творенья они не нашли.
Как они суесловили много о сущности бога, —
Весь свой век бородами трясли — и бесследно
ушли.

208

Пей с мудрой старостью златоречивой,
Пей с юностью улыбочиво красивой.
Пей, друг, но не кричи о том, что пьешь,
Пей изредка и тайно — в миг счастливый.

209

На розах блистанье росы новогодней прекрасно,
Любимая — лучшее творенье господне —
прекрасна.
Жалеть ли минувшее, бранить ли его мудрецу?
Забудем вчерашнее! Ведь наше Сегодня —
прекрасно.

210

Ты сегодня не властен над завтрашним днем,
Твои замыслы завтра развеются сном!
Ты сегодня живи, если ты не безумен.
Ты — не вечен, как все в этом мире земном.

211

Ты не мечтай перевалить за семь десятков лет.
Так пусть же пьяным застаёт всегда тебя рассвет,
Пока из головы твоей не сделали кувшин,
Кувшину с чашей дай любви и верности обет.

212

Подыми пиалу и кувшин ты, о свет моих глаз,
И кружись на лугу, у ручья в этот радостный час,
Ибо многих гончар-небосвод луноликих и стройных
Сотни раз превратил в пиалу, и в кувшин —
сотни раз.

213

Вино — прозрачный рубин, а кувшин — рудник.
Фиал — это плоть, а вино в нем — души родник,
В хрустальной чаше искрится вино огневое, —
То — ливень слез, что из крови гроздий возник.

214

Чтоб обмыть мое тело, вина принесите,
Изголовье могилы вином оросите.
Захотите найти меня в день воскресенья, —
Труп мой в прахе питейного дома ищите.

215

Ты — творец, и таким, как я есть, — я тобой
сотворен.
Я в вино золотое, и в струны, и в песни влюблен.
В дни творенья таким ты создать и задумал меня.
Так за что же теперь я в геенне гореть обречен?

216

Коль можешь, не тужи о времени бегущем,
Не отягчай души ни прошлым, ни грядущим.
Сокровища свои потрать, пока ты жив;
Ведь все равно в тот мир предстанешь немущим.

217

Где б ни алел тюльпан и роза ни цвела,
Там прежде кровь царей земля в себя впила.
И где бы на земле ни выросла фиалка,
Знай — родинкой она красавицы была.

218

Небо! Что сделал я? Что ты терзаешь меня?
Ты беготне целый день подвергаешь меня.
Город заставишь обегать за черствый кусок,
Грязью за чашку воды обливаешь меня.

219

Звездный купол — не кровля покоя сердец.
Не для счастья воздвиг это небо творец.
Смерть в любое мгновение мне угрожает.
В чем же польза творенья? — Ответь, наконец!

220

Радуйся! Снова нам праздник отрадный настал!
Стол серебром, хрусталем и вином заблестал.
На небе месяц поблек, исхудал и согнулся,
Будто он сам от пиров непрерывных устал.

221

Пей вино! В нем источник бессмертья и света,
В нем — цветенье весны и минувшие лета.
Будь мгновение счастлив среди цветов и друзей,
Ибо жизнь заключилась в мгновение это.

222

Будь жизнь тебе хоть в триста лет дана —
Но все равно она обречена,
Будь ты халиф или базарный нищий,
В конечном счете — всем одна цена.

223

Я — школяр в этом лучшем из лучших миров.
Труд мой тяжек: учитель уж больно суров!
До седин я у жизни хожу в подмастерьях,
Все еще не зачислен в разряд мастеров...

224

И пылинка — живую частицей была,
 Черным локоном, длинной ресницей была.
 Пыль с лица вытирай осторожно и нежно:
 Пыль, возможно, Зухрой яснолицей была!

225

Я однажды кувшин говорящий купил.
 «Был я шахом! — кувшин безутешно вопил. —
 Стал я прахом. Гончар меня вызвал из праха —
 Сделал бывшего шаха утехой кутил».

226

Этот старый кувшин на столе бедняка
 Был всесильным везиром в былые века.
 Эта чаша, которую держит рука, —
 Грудь умершей красавицы или щека...

227

Был ли в самом начале у мира исток?
 Вот загадка, которую задал нам бог.
 Мудрецы толковали о ней, как хотели, —
 Ни один разгадать ее толком не смог.

Месяца месяцами сменялись до нас,
 Мудрецы мудрецами сменялись до нас.
 Эти мертвые камни у нас под ногами
 Прежде были зрачками пленительных глаз.

Лучше впасть в нищету, голодать или красть,
 Чем в число блюдолизов презренных попасть.
 Лучше кости глотать, чем прельститься сладостями
 За столом у мерзавцев, имеющих власть.

Если труженик, в поте лица своего
 Добывающий хлеб, не стяжал ничего —
 Почему он ничтожеству кланяться должен
 Или даже тому, кто не хуже его?

Не одерживал смертный над небом побед.
 Всех подряд пожирает земля-людоед.
 Ты пока еще цел? И бахвалишься этим?
 Погоди: попадешь муравьям на обед!

232

Даже самые светлые в мире умы
Не смогли разогнать окружающей тьмы.
Рассказали нам несколько сказочек на ночь —
И отправились, мудрые, спать, как и мы.

233

Удивленья достойны поступки творца!
Переполнены горечью наши сердца,
Мы уходим из этого мира, не зная
Ни начала, ни смысла его, ни конца.

234

Тот, кто следует разуму, — донт быка,
Умник будет в убытке наверняка!
В наше время доходней валять дурака,
Ибо разум сегодня в цене чеснока.

235

Где Бахрам отдыхал, осушая бокал,
Там теперь обитают лиса и шакал.
Видел ты, как охотник, расставив капканы,
Сам, бедняга, в глубокую яму попал?

236

Если низменной похоти станешь рабом —
 Будешь в старости пуст, как покинутый дом.
 Оглянись на себя и подумай о том,
 Кто ты есть, где ты есть и — куда же потом?

237

Эй, гончар! И доколе ты будешь, злодей,
 Издеваться над глиной, над прахом людей?
 Ты, я вижу, ладонь самого Фаридуна
 Положил в колесо. Ты — безумец, ей-ей!

238

Слышал я: под ударами гончара
 Глина тайны свои выдавать начала:
 «Не топчи меня! — глина ему говорила, —
 Я сама гончаром была лишь вчера».

239

Поутру просыпается роза моя,
 На ветру распускается роза моя.
 О жестокое небо! Едва распустилась —
 Как уже осыпается роза моя.

♪

240

Книга жизни моей перелистана — жаль!
От весны, от веселья осталась печаль.
Юность — птица: не помню, когда прилетела
И когда унеслась, легкокрылая, в даль.

241

Мы — послушные куклы в руках у творца!
Это сказано мною не ради словца.
Нас по сцене всевышний на ниточках водит
И пихает в сундук, доведя до конца.

242

Жизнь уходит из рук, надвигается мгла,
Смерть терзает сердца и кромсает тела,
Возвратившихся нет из загробного мира,
У кого бы мне справиться: как там дела?

243

Я нигде преклонить головы не могу.
Верить в мир замогильный — увы! — не могу.
Верить в то, что, истлевши, восстану из праха
Хоть бы стеблем зеленой травы, — не могу.

244

Ты не очень-то щедр, всемогущий творец:
Сколько в мире тобою разбитых сердец!
Губ рубиновых, мускусных локонов сколько
Ты, как скряга, упрятал в бездонный ларец!

245

Вместо солнца весь мир озарить — не могу,
В тайну сущего дверь отворить — не могу.
В море мыслей нашел я жемчужину смысла,
Но от страха ее просверлить не могу.

246

Ухожу, ибо в этой обители бед
Ничего постоянного, прочного нет.
Пусть смеется лишь тот уходящему вслед,
Кто прожить собирается тысячу лет.

247

Мы источник веселья — и скорби рудник.
Мы вместилище скверны — и чистый родник.
Человек, словно в зеркале мир — многолик.
Он ничтожен — и он же безмерно велик!

248

Изваял эту чашу искусный резец
Не затем, чтоб разбил ее пьяный глупец.
Сколько светлых голов и прекрасных сердец
Между тем разбивает напрасно творец!

249

О кумир! Я подобных тебе не встречал.
Я до встречи с тобой горевал и скучал.
Дай мне полную чарку и выпей со мною,
Пока чарок из нас не наделал гончар!

250

Мой совет: будь хмельным и влюбленным всегда.
Быть сановным и важным — не стоит труда.
Не нужны всемогущему господу-богу
Ни усы твои, друг, ни моя борода!

251

Хорошо, если платье твое без прорех.
И о хлебе насущном подумать не грех.
А всего остального и даром не надо —
Жизнь дороже богатства и почестей всех.

252

Я страдать обречен до конца своих дней,
Ты же день ото дня веселишься сильней.
Берегись! На судьбу полагаться не вздумай:
Много хитрых уловок в запасе у ней.

253

Океан, состоящий из капель, велик.
Из пылинок слагается материк.
Твой приход и уход — не имеют значенья.
Просто муха в окно залетела на миг..

254

Каждый розовый, взоры ласкающий куст
Рос из праха красавиц, из розовых уст.
Каждый стебель, который мы топчем ногами,
Рос из сердца, вчера еще полного чувств.

255

Нищим дервишем ставши — достигнешь высот,
Сердце в кровь изодравши — достигнешь высот,
Прочь, пустые мечты о великих свершеньях!
Лишь с собой совладавши — достигнешь высот.

256

Как нужна для жемчужины полная тьма —
Так страданья нужны для души и ума.
Ты лишился всего, и душа опустела?
Эта чаша наполнится снова сама!

257

До того, как мы чашу судьбы изопьем,
Выпьем, милая, чашу иную вдвоем.
Может статься, что сделать глотка перед смертью
Не позволит нам небо в безумье своем.

258

До рождения ты не нуждался ни в чем,
А родившись, нуждаться во всем обречен.
Только сбросивши гнет ненасытного тела,
Снова станешь свободным, как бог, богачом.

259

Из допущенных в рай и повергнутых в ад
Никогда и никто не вернулся назад.
Грешен ты или свят, беден или богат —
Уходя, не надейся и ты на возврат.

260

Жизни стыдно за тех, кто сидит и скорбит,
Кто не помнит утех, не прощает обид.
Пой, покуда у чанга не лопнули струны!
Пей, покуда об камень сосуд не разбит!

261

Старость — дерево, корень которого сгнил.
Возраст — алые щеки мои посинил.
Крыша, дверь и четыре стены моей жизни
Обветшали и рухнуть грозят со стропил.

262

Двести лет проживешь — или тысячу лет —
Все равно попадешь муравьям на обед.
В шелк одет или в жалкие тряпки одет,
Падишах или пьяница — разницы нет!

263

Этот мир красотой Хайяма пленил,
Ароматом и цветом своим опьянил.
Но источник с живою водою — иссякнет,
Как бы ты бережливо его ни хранил!

Если гурья страстно целует в уста,
 Если твой собеседник мудрее Христа,
 Если лучше небесной Зухры музыкантша —
 Все не в радость, коль совесть твоя не чиста!

Шел я трезвый — веселья искал и вина,
 Вижу: мертвая роза — суха и черна.
 «О несчастная! В чем ты была виновата?»
 «Я была чересчур весела и пьяна!»

Если мельницу, баню, роскошный дворец
 Получает в подарок дурак и подлец,
 А достойный идет в кабалу из-за хлеба —
 Мне плевать на твою справедливость, творец!

Неужели таков наш ничтожный удел:
 Быть рабами своих вождедлющих тел?
 Ведь еще ни один из живущих на свете
 Вождедений своих утолить не сумел!

268

То, что бог нам однажды отмерил, друзья,
Увеличить нельзя и уменьшить нельзя.
Постараемся с толком истратить наличность,
На чужое не зарясь, займы не прося.

269

Принеси заключенный в кувшине рубин —
Он один мой советчик и друг до седины.
Не сиди, размышляя о бренности жизни, —
Принеси мне наполненный жизнью кувшин!

270

Встанем утром и руки друг другу пожмем,
На минуту забудем о горе своем,
С наслажденьем вдохнем этот утренний воздух,
Полной грудью, пока еще дышим, вздохнем!

271

Мой закон: быть веселым и вечно хмельным,
Ни святошей не быть, ни безбожником злым.
Я спросил у судьбы о размере калыма.
«Твое сердце, — сказала, — достойный калым!»

272

Виночерпий, бездонный кувшин приготовь!
 Пусть без усталы хлещет из горлышка кровь.
 Эта влага мне стала единственным другом,
 Ибо все изменили — и друг, и любовь.

273

Рыба утку спросила: «Вернется ль вода,
 Что вчера утекла? Если — да, то — когда?»
 Утка ей отвечала: «Когда нас поджарят —
 Разрешит все вопросы сковорода!»

274

Встань и полную чашу налей поутру,
 Не горюй о неправде, царящей в миру.
 Если в мире законом была справедливость —
 Ты бы не был последним на этом пиру.

275

Чем стараться большое уменье нажить,
 Чем себе, заковнев в самомненье, служить,
 Чем гоняться до смерти за призрачной славой —
 Лучше жизнь, как во сне, в оьяненье прожить!

276

Словно ветер в степи, словно в речке вода,
День прошел — и назад не придет никогда.
Будем жить, о подруга моя, настоящим!
Сожалеть о минувшем — не стоит труда.

277

Не таи в своем сердце обид и скорбей,
Ради звонкой монеты поклонов не бей.
Если друга ты вовремя не накормишь —
Все сожрет без остатка наследник-злодей.

278

Если сердце мое отобьется от рук —
То куда ему деться? Безлюдье вокруг!
Каждый жалкий дурак, узколобый невежда,
Выпив лишку — Джемшидом становится вдруг.

279

Вереницею дни-скороходы идут,
Друг за другом закаты, восходы идут.
Виночерпий! Не надо скорбеть о минувшем.
Дай скорее вина, ибо годы идут.

280

Всем сердечным движениям волю давай,
 Сад желаний возделывать не устай.
 Звездной ночью блаженствуй на шелковой травке:
 На закате — ложись, на рассвете — вставай.

281

Если есть у тебя для житья закуток —
 В наше подлое время — и хлеба кусок,
 Если ты никому не слуга, не хозяин —
 Счастлив ты и вонистину духом высок.

282

Трезвый, я замыкаюсь, как в панцире краб.
 Напиваясь, я делаюсь разумом слаб.
 Есть мгновенье меж трезвостью и опьяненьем.
 Это — высшая правда, и я — ее раб!

283

Разум к счастью стремится, все время твердит:
 «Дорожи каждым мигом, пока не убит!
 Ибо ты — не трава, и когда тебя скосят —
 То земля тебя заново не возродит».

284

Если жизнь твоя нынче, как чаша, полна —
Не спеши отказаться от чаши вина.
Все богатства судьба тебе дарит сегодня —
Завтра, может случиться, ударит она!

285

Если все государства, вблизи и вдали,
Покоренные, будут валяться в пыли —
Ты не станешь, великий владыка, бессмертным.
Твой удел не велик: три аршина земли.

286

Дай вина, чтоб веселье лилось через край,
Чтобы здесь, на земле, мы извели рай!
Звучный чанг принеси и душистые травы.
Благовония — жги, а на чанге — играй.

287

Сбрось обузу корысти, тщеславия гнет,
Злом опутанный, вырвись из этих тенет,
Пей вино и расчесывай локоны милой:
День пройдет незаметно — и жизнь промелькнет.

Не молящимся грешником надобно быть.
 Веселящимся грешником надобно быть.
 Так как жизнь драгоценная кончится скоро —
 Шутником и насмешником надобно быть.

Я в мечеть не за праведным словом пришел,
 Не стремясь приобщиться к основам пришел.
 В прошлый раз утащил я молитвенный коврик,
 Он истерся до дыр — я за новым пришел.

Ты не верь измышленьям неьющих тихонь,
 Будто пьяниц в аду ожидает огонь.
 Если место в аду для влюбленных и пьяных —
 Рай окажется завтра пустым, как ладонь!

Когда вырвут без жалости жизни побег,
 Когда тело во прах превратится навек —
 Пусть из этого праха кувшин изготовят
 И наполнят вином: оживет человек!

292

Если ночью тоска подкрадется — вели
Дать вина. О пощаде судьбу не моли.
Ты не золото, пьяный глупец, и едва ли,
Закопав, откопают тебя из земли.

293

В этом мире на каждом шагу — западня.
Я по собственной воле не прожил и дня.
Без меня в небесах принимают решенья,
А потом бунтарем называют меня!

294

Благородство и подлость, отвага и страх —
Все с рожденья заложено в наших телах.
Мы до смерти не станем ни лучше, ни хуже —
Мы такие, какими нас создал Аллах!

295

От неожиданного счастья, глупец, не шалей.
Если станешь несчастным — себя не жалей.
Зло с добром не вали без разбора на небо:
Небу этому в тысячу раз тяжелей!

296

Все, что будет: и зло, и добро — пополам
Предписал нам заранее вечный калам.
Каждый шаг предначертан в небесных скрижалях.
Нету смысла страдать и печалиться нам.

297

Словно солнце, горит, не сгорая, любовь.
Словно птица небесного рая — любовь.
Но еще не любовь — соловьиные стоны.
Не стонать, от любви умирая, — любовь!

298

Небо сердцу шептало: «Я знаю — меня
Ты поносишь, во всех своих бедах вина.
Если б небо вращеньем своим управляло —
Ты бы не было, сердце, несчастным ни дня!».

299

В день, когда оседлали небес скакуна,
Когда дали созвездиям их имена,
Когда все наши судьбы вписали в скрижали —
Мы покорными стали. Не наша вина.

300

Много ль проку от наших молитв и кадил?
В рай лишь тот попадет, кто не в ад угодил.
Что кому на роду предначертано будет —
До начала творенья господь утвердил!

301

«Надо жить, — нам внушают, — в постах и труде.
Как живете вы — так и воскреснете-де!»
Я с подругой и с чашей вина неразлучен —
Чтобы так и проснуться на Страшном суде.

302

Назовут меня пьяным — воистину так!
Нечестивцем, смутьяном — воистину так!
Я есмь я. И болтайте себе, что хотите:
Я останусь Хайямом. Воистину так!

303

Муж ученый, который мудрее муллы,
Но бахвал и обманщик, — достоин хулы.
Муж, чье слово прочнее гранитной скалы, —
Выше мудрого, выше любой похвалы!

304

Кто урод, кто красавец — не ведает страсть.
В ад согласен безумец влюбленный попасть.
Безразлично влюбленным, во что одеваться,
Что на землю стелить, что под голову класть.

305

Небо — пояс загубленной жизни моей,
Слезы падших — соленые волны морей,
Рай — блаженный покой после страстных усилий,
Адский пламень — лишь отблеск угасших
страстей.

306

Хоть мудрец — не скупец и не копит добра,
Плохо в мире и мудрому без серебра.
Под забором фиалка от нищества никнет,
А богатая роза красна и щедра!

307

Я к неверной хотел бы душой охладеть,
Новой страсти позволить собой овладеть.
Я хотел бы — но слезы глаза застилают,
Слезы мне не дают на другую глядеть!

308

Когда песню любви запоют соловьи —
Выпей сам и подругу вином напой.
Видишь: роза раскрылась в любовном томленьи?
Утоли, о влюбленный, желанья свои!

309

«Ад и рай — в небесах», — утверждают ханжи.
Я, в себя заглянув, убедился во лжи:
Ад и рай — не круги во дворце мироздания,
Ад и рай — это две половины души.

310

Попрекают Хайяма числом кутежей
И в пример ему ставят непьющих мужей.
Были б столь же заметны другие пороки —
Кто бы выглядел трезвым из этих ханжей?

311

Для того, кто за внешностью видит нутро,
Зло с добром — словно золото и серебро.
Ибо то и другое — дается на время,
Ибо кончатся скоро и зло, и добро.

312

Вновь на старости лет я у страсти в плену.
Разве иначе я пристрастился б к вину?
Все обеты нарушил возлюбленной ради
И, рыдая, свое безрассудство кляню.

313

Дай вина! Здесь не место пустым словесам.
Поцелуй любимой — мой хлеб и бальзам,
Губы пылкой возлюбленной — винного цвета,
Буйство страсти подобно ее волосам.

314

Если жизнь все равно неизбежно пройдет —
Так пускай хоть она безмятежно пройдет!
Жизнь тебя, если будешь веселым, утешит,
Если будешь рыдать — безутешно пройдет.

315

В этом мире не вырастет правды побег.
Справедливость не правила миром вовек.
Не считай, что изменишь течение жизни.
За подрубленный сук не держись, человек!

316

Каждый молится богу на собственный лад.
Всем нам хочется в рай и не хочется в ад.
Лишь мудрец, постигающий замысел божий,
Адских мук не страшится и раю не рад.

317

Вы, злодейству которых не видно конца,
В Судный день не надейтесь на милость творца!
Бог, простивший не сделавших доброго дела,
Не простит сотворившего зло подлеца.

318

Без меня собираясь в застолье хмельном,
Продолжайте блистать красотой и умом.
Когда чашу наполнит вином виночерпий —
Помяните ушедших чистым вином!

319

Если вдруг на тебя снизошла благодать —
Можешь все, что имеешь, за правду отдать.
Но, святой человек, не обрушивай гнева
На того, кто за правду не хочет страдать!

320

Стоит царства китайского чарка вина,
Стоит берега райского чарка вина.
Горек вкус у налитого в чарку рубина —
Эта горечь всей сладости мира равна.

321

Не моли о любви, безнадежно любя,
Не броди под окном у неверной, скорбя.
Словно нищие дервиши, будь независим —
Может статься, тогда и полюбят тебя.

322

В мире временном, сущность которого — тлен,
Не сдавайся вещам несущественным в плен,
Сущим в мире считай только дух вездесущий,
Чуждый всяких вещественных перемен.

323

Не завидуй тому, кто силен и богат.
За рассветом всегда наступает закат.
С этой жизнью короткою, равною вздоху,
Обращайся как с данной тебе напрокат.

324

Горе сердцу, которое льда холодней,
Не пылает любовью, не знает о ней.
А для сердца влюбленного — день, проведенный
Без возлюбленной, — самый пропащий из дней!

325

Пусть я плохо при жизни служил небесам,
Пусть грехов моих груз не под силу весам —
Полагаюсь на милость Единого, ибо
Отродясь никогда не двуличничал сам!

326

Утром лица тюльпанов покрыты росой,
И фиалки, намкнув, не блещут красой.
Мне по сердцу еще не расцветшая роза,
Чуть заметно подол приподнявшая свой.

327

Не давай убаюкать себя похвалой —
Меч судьбы занесен над твоей головой.
Как ни сладостна слава, но яд наготове
У судьбы. Берегись отравиться калвой!

328

Смерти я не страшусь, на судьбу не ропщу,
Утешенья в надежде на рай не ищю,
Душу вечную, данную мне ненадолго.
Я без жалоб в положенный срок возвращу.

329

Из всего, что Аллах мне для выбора дал,
Я избрал черствый хлеб и убогий подвал,
Для спасенья души голодал и страдал,
Ставши нищим, богаче богатого стал.

330

Что сравню во вселенной со старым вином,
С этой чашею пенной со старым вином?
Что еще подобает почтенному мужу,
Кроме дружбы почтенной со старым вином?

331

Пить Аллах не велит не умеющим пить,
С кем попало, без памяти смеющим пить,
Но не мудрым мужам, соблюдающим меру,
Безусловное право имеющим пить!

332

Тот, кто с юности верует в собственный ум,
Стал, в погоне за истиной, сух и угрюм.
Притязающий с детства на знание жизни,
Виноградом не став, превратился в изюм.

333

Волшебства о любви болтовня лишена,
Как остывшие угли — огня лишена,
А любовь настоящая жарко пылает,
Сна и отдыха, ночи и дня лишена.

334

Вместо злата и жемчуга с янтарем
Мы другое богатство себе изберем:
Сбрось наряды, прикрой свое тело старьем,
Но и в жалких лохмотьях — останься царем!

335

Для достойного — нету достойных наград,
Я живот положить за достойного рад.
Хочешь знать, существуют ли адские муки?
Жить среди недостойных — вот истинный ад!

336

Ты задался вопросом: что есть Человек?
Образ божий. Но логикой бог пренебрег:
Он его извлекает на миг из пучины —
И обратно в пучину швыряет навек.

337

В этом мире глупцов, подлецов, торгашей
Уши, мудрый, заткни, рот надежно зашей,
Веки плотно зажмурь — хоть немного подумай
О сохранности глаз, языка и ушей!

338

Увидав черепки — не толчи черепка.
Берегись! Это бывших людей черепа.
Чаши лепят из них — а потом разбивают.
Помни, смертный: придет и твоя череда!

339

Ты у ног своих скоро увидишь меня,
Где-нибудь у забора увидишь меня,
В куче праха и сора увидишь меня,
В полном блеске позора увидишь меня!

340

Хочешь — пей, но рассудка спьяна не теряй,
Чувства меры спьяна, старина, не теряй,
Берегись оскорбить благородного спьяну,
Дружбы мудрых за чашей вина не теряй.

341

Если ты не впадаешь в молитвенный раж,
Но последний кусок немущим отдашь,
Если ты никого из друзей не предашь —
Прямо в рай попадешь.. Если выпить мне дашь!

342

Жизнь с крючка сорвалась и бесследно прошла,
Словно пьяная ночь, беспросветно прошла.
Жизнь, мгновенье которой равно мирозданию,
Как меж пальцев песок, незаметно прошла!

343

Миром правят насилие, злоба и месть.
Что еще на земле достоверного есть?
Где счастливые люди в озлобленном мире?
Если есть — их по пальцам легко перечесть.

344

Жизнь мгновенная, ветром гонима, прошла,
Мимо, мимо, как облако дыма, прошла.
Пусть я горя хлебнул, не хлебнул наслажденья, —
Жалко жизни, которая мимо прошла.

345

Опасайся плениться красавицей, друг!
Красота и любовь — два источника мук.
Ибо это прекрасное царство не вечно:
Поражает сердца и — уходит из рук.

346

Так как вечных законов твой ум не постиг —
Волноваться смешно из-за мелких интриг.
Так как бог в небесах неизменно велик —
Будь спокоен и весел, цени этот миг.

347

О мудрец! Если тот или этот дурак
Называет рассветом полуночный мрак, —
Притворись дураком и не спорь с дураками.
Каждый, кто не дурак, — вольнодумец и враг!

348

Мне, господь, надоела моя нищета,
Надоела надежд и желаний тщета.
Дай мне новую жизнь, если ты всемогущий!
Может, лучше, чем эта, окажется та.

349

Если б я властелином судьбы своей стал —
Я бы всю ее заново перелистал
И, безжалостно вычеркнув скорбные строки,
Головою от радости небо достал!

350

Дураки мудрецом почитают меня
Видит бог: я не тот, кем считают меня.
О себе и о мире я знаю не больше
Тех глупцов, что усердно читают меня.

351

Сменилась вновь весна печальной зимой,
Из книги бытия еще листок долой.
Будь весел, пей вино. Мудрец сказал недаром:
«От яда горестей вино — спаситель твой!»

352

Я пришел — не прибавилась небу краса,
Я уйду — будут так же цвести небеса.
И никто объяснить мне, наверно, не сможет,
Ухожу почему и зачем родился.

353

Гонит рок нас по жизни битой, как мячи,
Ты то влево, то вправо беги и молчи.
Только тот, кто устроил нам бешеный гон,
Он один знает смысл его скрытых причин.

354

Не запретна лишь с мудрыми чаша для нас
Или с милым кумиром в назначенный час,
И о том, сколько выпил, поменьше болтай,
Пей немного. Пей изредка. Не на показ.

355

Раз желаньям, творец, ты предел положил,
От рожденья поступки мои предрешил,
То, выходит, грехи я не сам совершил,
А лишь в меру тобою отпущенных сил.

356

Пусть будет сердце страстью смятено,
 Пусть в чаше вечно искрится вино.
 Раскаянье творец дарует грешным, —
 Я откажусь: мне ни к чему оно.

357

Кто в сердце разум начертал строкой,
 Тот даром не провел минуты ни одной.
 Он милости творца снискать старался
 Иль поднял чашу и избрал покой.

358

Диктует любовь роковое условие:
 Сердечными ранами платим и кровью.
 Вот гребень — на сотни кусков расщепился,
 Чтоб милых волос лишь коснуться с любовью.

359

В прах и пыль превратились цари, короли,
 Все, кто спрятан в бездонное лоно земли.
 Видно, очень хмельным их вином опойли,
 Чтоб до Судного дня они встать не могли.

360

Я при жизни не в силах грехов побороть,
Над душою царит ненасытная плоть,
Но я верю в великую милость господню:
После смерти простит мои кости господь.

361

Да, лилия и кипарис — два чуда под луной,
О благородстве их твердит любой язык земной.
Имея десять языков, она всегда молчит,
А он, имея двести рук, не тычет ни одной.

362

От горя разлуки с тобою я вяну,
Куда бы ни шла, от тебя не отстану,
Уйдешь — все сердца погибают в печали,
Вернешься — они твоей жертвою станут.

363

Грех Хайям совершил и совсем занемог,
Пребывает в плену бесполезных тревог:
Верь, господь потому и грехи позволяет,
Чтоб потом нас простить он по-божески смог.

364

Пусть за любовь к тебе осудит целый свет,
С невеждами, поверь, желанья спорить нет.
Любви напиток лишь мужам целебен —
Ханжам он принесет неисцелимый вред.

365

Всевышний мастер, изваявший род людской,
Не знаю почему, но труд не ценит свой.
Коль совершенны мы — зачем нас разбивает?
А. если плохи — кто тому виной?

366

Старость — хилое дерево: корни истлели,
Листья сохнут, гранаты ланит посинели,
Крыша, дверь и подпорки стены бытия
Обветшали совсем и уж держатся еле.

367

Тайны мира, как я записал их в тетрадь,
Головы не сносить, коль другим рассказать.
Средь ученых мужей благородных не вижу,
Потому на душе и молчанья печать.

Сокровенною тайной с тобой поделюсь,
 В двух словах изолью свою нежность и грусть.
 С любовью к тебе я в земле растворюсь,
 Из праха с любовью к тебе поднимусь.

Раз не нашею волей вершатся дела,
 Беззаботному сердцу и честь, и хвала!
 Не грусти, что ты смертен, не хмурься в печали,
 Так, пожалуй, ведь станет и жизнь не мила.

Кто в мире не покрыл себя грехами, скажи?
 Да и безгрешны ли, господь, мы сами, скажи?
 Я совершаю зло — ты злом мне воздашь, —
 Какая ж разница между нами? Скажи!

Знает твердо мудрец: не бывает чудес.
 Он не спорит — там семь или восемь небес.
 Раз пылающий разум навеки погаснет,
 Не равно ль муравей или волк тебя съест.

372

Влекут меня розам подобные лица
И чаша, чтоб влагой хмельной насладиться,
Хочу всем уладам земным причаститься,
Пока не настала пора удалиться.

373

Если к чаше приник — будь доволен, Хайям,
Если к милой хоть миг — будь доволен, Хайям,
Высыхает река бытия, но покуда
Еще бьет твой родник — будь доволен, Хайям.

374

Дверь насущного хлеба мне, боже, открой,
Пусть не подлый подаст — сам дай щедрой рукой!
Напон меня так, чтобы был я без памяти,
От того и заботы не знал никакой.

375

Знаний сердце мое никогда не чуждалось,
Мало тайн, мной не познанных, в мире осталось.
Только знаю одно: ничего я не знаю —
Вот итог всех моих размышлений под старость.

376

Зерна наших надежд до конца не сберем,
 Уходя, не захватим ни сад и ни дом.
 Пока жив, достоянье истрать на друзей,
 Чтобы недруг его не присвоил потом.

377

Упреков не боюсь, не опустел карман,
 Но все же прочь вино и в сторону стакан,
 Я пил вино — искал улады сердцу, —
 Зачем мне пить теперь, когда тобою пьян.

378

Порою некто гордо мечет взгляды: «Это я!»
 Украсит золотом свои наряды: «Это я!»
 Но лишь пойдут на лад его делишки,
 Внезапно смерть выходит из засады: «Это я!»

379

Трясу надежды ветвь, но где желанный плод?
 Как смертный нить судьбы в крошечной тьме
найдет?
 Тесна мне бытия печальная темница, —
 О, если б дверь найти, что к вечности ведет.

От земной глубины, от далеких планет
Мирозданья загадкам нашел я ответ.
Ум любые тугие узлы развязал,
Узел смерти одной не распутал он, нет!

Сомнения нет, что цель творенья — мы,
Что разума источник зренья — мы.
И если мирозданье наше — перстень,
То лучшее в нем украшенья — мы.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Когда Хайяма станешь изучать,
Ты там найдешь иных времен печать.
Сквозь сито разума ту мудрость ты просей —
Добро и зло ты будешь различать.

КОММЕНТАРИИ

Бахрам — сасанидский шах Варахран V (421 — 438).

Популярный персонаж героических и романтических произведений.

Джейхун — старое арабское название Амударьи.

Джемшид — легендарный царь древнего иранского эпоса, обладавший чашей, в которой отражался весь мир.

Диван — собрание стихов.

Земзем — название колодца в Мекке, воду которого верующие считают святой, обладающей чудотворной силой.

Зухра — планета Венера. По легенде — женщина за красоту и игру на чанге взлетела на небо.

Ивлис — по легенде — ангел, проклятый за отказ подчиняться Адаму.

Калам — тростниковое перо.

Кавсер — по легенде — источник в раю.

Кааба — мусульманская святыня в Мекке.

Коран — священное писание мусульман.

Михраб — сводчатая ниша в мечети, указывающая направление к Мекке.

Муфтий — толкователь вопросов мусульманского

права на основе шариата, свода религиозных правил.

Намаз — мусульманская молитва.

Рамазан — месяц поста, когда от восхода до захода солнца запрещено есть и пить.

Реджеб — седьмой месяц мусульманского лунного календаря.

Саки — кравчий, виночерпий.

Телец — созвездие. Телец под землю — бык, на котором, по мусульманским поверьям, держится земля.

Фаридун — имя мифического царя.

Фарраш — слуга, расстилающий молитвенный коврик.

Хызр — чудотворец, хранитель источника живой воды.

Чанг — струнный ударный музыкальный инструмент.

Шабан — восьмой месяц мусульманского лунного календаря.

Шавваль — десятый месяц мусульманского лунного календаря, следует за Рамазаном.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
РУБАИ 1—190. <i>Перевел</i> О. Румер	3
РУБАИ 191—202. <i>Перевел</i> И. Тхоржевский	50
РУБАИ 203—222. <i>Перевел</i> В. Державин	53
РУБАИ 223—350. <i>Перевел</i> Г. Плисецкий	58
РУБАИ 351—381. <i>Перевел</i> Н. Стрижков	90
От составителя. <i>Перевел</i> С. Иванов	98
Комментарии	99

С (тадж.)
О 55

Омар Хайям.
Рубаи. Сост. Ш. Шамухамедов. Ред. Б. Пармузин.
Т., Изд-во ЦК КП Узбекистана, 1978. 104 с. с рис.

Омар Хайям. Рубаи.

С (тадж.) 1+И (иран.)

X $\frac{70404-5}{M-357(06)-78}$

© Издательство ЦК КП Узбекистана. 1978 г.

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА ВОСТОКА

О М А Р Х А Й Я М

Р у б а н

Перевод с фарси

На обложке и цветных вкладках даны миниатюры современных художников и фотография мавзолея Омара Хайяма в Шишапуре (Иран).

Издательство ЦК КП Узбекистана
Ташкент — 1978

Художник А. Ошейко
Техредактор Г. Ломиворотова
Корректор З. Забровская

Слано в набор 2. II. 1978 г. Подписано в печать 25. V. 1978 г.
Формат 70×90^{1/32}. Печ. л. 3,25+7 вкл. Усл. печ. л. 3,8+7 вкл.
Уч.-изд. л. 2,33+1 вклейка+3 вкладки = 2,63. Тираж 200000.

Заказ № 2736. Изд. № 105

Цена на мелованной бумаге—90 коп., на типографской
бумаге—80 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени типография
Издательства ЦК КП Узбекистана.
Ташкент, ул. „Правды Востока“, 26.

عمر خایم
در این کتاب برای نخستین بار
گویش کار رفته است بهترین ترجمه‌های
روسی رباعیات شاعر و دانشمند بزرگ همانی
حکیم عمر خایم / ۱۱۲۸ - ۱۰۴۰ / گردآوری شود

تدوین کننده - دانه‌خانه فردو پور شور اسلام شاه محمد

مترجمان - نویس روم، نخورزفسکی، ولادیمیر درزاویا،

گرمای پستیک، یکلای سترزگف

رداکتور - بوریس پرمورن

تألیف - ۱۹۷۷